

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В РАЗРЕШЕНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ

М. А. Шолкова, аспирант Дипломатической академии МИД России.
E-mail: sholkova. m.a@gmail.com

Аннотация. Территориальные споры являются одним из ключевых элементов японской безопасности, напрямую влияя на отношения Токио со всеми тремя его ближайшими соседями: Китаем, Россией и Южной Кореей. Из-за сложной истории неоднократных вторжений, а также милитаристской экспансии Япония накопила запутанное наследие конфликтов и споров с соседями по трем сопредельным территориям, а именно Сенкаку, Токто и Курильским островам, претендуя на суверенитет над ними или оспаривая его. Рассматриваемые в статье споры являются прямым следствием участия Японии во Второй мировой войне и зачастую двусмысленных формулировок, использованных в договорах и других документах, подписанных по ее окончании. В статье представлена позиция Токио, основанная на японских документах и позиции Пекина, Сеула и Москвы, опирающихся на Каирскую, Потсдамскую декларации и Сан-Францисский мирный договор. Автор иллюстрировал свои аргументы картами. В ходе анализа использовался физико-географический и исторический подходы. Рассмотрение автором этих споров дает четкое представление о том, как с течением времени меняющиеся условия безопасности повлияли на позицию Японии и ее соседей. В 2000-е гг. Токио ввел специальный термин «территориальная дипломатия» — «рёдогайко», целью которой является международное признание законности японского суверенитета над спорными территориями. МИД Японии проводит активную политику по информированию мирового сообщества о правах Токио на острова Сэнкаку, Такэсима и так называемые «Северные территории». В ходе анализа позиций заинтересованных стран автор делает вывод о том, что Япония успешно отстаивает принадлежность островов Сенкаку, но пока не имеет должных результатов в отношении Токто и Курильских островов. Отношение России к данным спорам не может быть пассивным. Во-первых, Москва является непосредственной участницей одного из них. Во-вторых, Южная Корея и Китай в своих аргументах опираются на имперское прошлое Японии и, как и Россия, на документы, заключенные по итогам Второй мировой войны.

Ключевые слова: территориальные споры, Сенкаку, Токто, Курильские острова, Северные территории, атолл Окинотори, внешняя политика Японии, Китай, Южная Корея, Россия.

JAPAN'S FOREIGN POLICY IN THE SETTLEMENT OF TERRITORIAL DISPUTES

M. A. Sholkova, postgraduate student at the Diplomatic Academy of the Russian MFA, Krasnodar.
E-mail: sholkova. m.a@gmail.com

Abstract. Territorial disputes are a key element of Japanese security, directly affecting Tokyo's relations with all three of its closest neighbors: China, Russia and South Korea. Because of its complex history of repeated invasions as well as militaristic expansion, Japan has accumulated a tangled legacy of conflicts and disputes with its neighbors over the three contiguous territories, namely Senkaku, Dokdo, and the Kuril Islands, claiming or disputing sovereignty over them. The disputes discussed in the article are a direct result of Japan's involvement in World War II and the often ambiguous language used in treaties and other documents signed at the end of it. The article presents Tokyo's position based on Japanese

documents and the positions of Beijing, Seoul and Moscow based on the Cairo Declaration, the Potsdam Declaration and the San Francisco Peace Treaty. The author illustrated her arguments with maps. During the analysis physiographic and historical approaches were used. The author's examination of these disputes provides a clear picture of how the changing security environment has affected the position of Japan and its neighbors over time. In the 2000s, Tokyo introduced a special term — territorial diplomacy "redogayko" which goal was international recognition of the legitimacy of Japanese sovereignty over disputed territories. The Ministry of Foreign Affairs of Japan conducts an active policy to inform the world community about the rights of Tokyo to the Senkaku Islands, Takeshima, and the so-called "Northern Territories". During the analysis of the positions of the concerned countries the author concludes that Japan successfully defends the ownership of the Senkaku Islands, but so far has no proper results with Dokdo and the Kuril Islands. Russia's attitude to these disputes cannot be passive. First, Moscow is a direct party to one of them. Second, South Korea and China are basing their arguments on Japan's imperial past and, like Russia, on World War II documents.

Keywords: Territorial disputes, Senkaku, Tokdo, Kuril Islands, Northern Territories, Okinotori Atoll, Japanese foreign policy, China, South Korea, Russia.

Из всех территориальных споров конфликт с Китаем по поводу суверенитета над островами Сенкаку (Дяоюйдао) вызывает большую озабоченность у японского руководства в связи с его серьезными геополитическими последствиями, а также историческим значением данной территории, которая является предметом спора между Токио и Пекином с конца XIX в. [6, с. 56]. Кроме того, вопрос осложняется тем, что, хотя «Китай постоянно оказывает давление на Японию, вынуждая ее признать наличие территориального спора между двумя странами», Япония уверена, что «острова исторически и юридически являются неотъемлемой частью ее территории, и что никакого спора не существует» [12]. Более конкретно Пекин утверждает, что Тайвань и прилегающие к нему острова, включая острова Сенкаку, вошли в состав Японской империи в 1895 г. по мирному договору в Симоносеки. Поэтому, по мнению Китая, в соответствии с Каирской декларацией, Потсдамской декларацией и Сан-Францисским договором острова должны быть возвращены ему. Токио же считает, что после обследования японской экспедицией, которая не обнаружила никаких доказательств китайского владения,

острова Сенкаку были включены в состав Японии как необитаемые по решению кабинета министров. Кроме того, по окончании японо-китайской войны японское правительство рассматривало острова как часть префектуры Окинава, а не как территорию под юрисдикцией генерал-губернатора Тайваня. Токио утверждает, что Пекин признал острова Сенкаку частью префектуры Окинава и не считал их частью Тайваня. В качестве доказательства он приводит письмо консула Китайской Республики в Нагасаки Фэнь Менья, в котором тот выражает благодарность японским гражданам, спасшим китайских рыбаков из провинции Фуцзянь, терпящих бедствие вблизи островов Сенкаку в 1919 г. В нем четко определено место, где они вышли на берег: «Острова Сенкаку, округ Яэяма, префектура Окинава, Японская империя» [12].

С юридической точки зрения, Токио действительно прав: согласно международному праву, длительное и мирное осуществление суверенитета над территорией с четким намерением обладать ею является необходимым условием для приобретения территориального титула, а Китай не представил никаких

доказательств того, что эта страна когда-либо осуществляла эффективный контроль над островами Сенкаку. С другой стороны, Япония ведет экономическую деятельность на островах с 1897 г., когда они были переданы бесплатно в аренду японскому бизнесмену Кога Тацусири. Как отмечал А. В. Костенков, при нем на островах были созданы первые постоянные поселения людей численностью около 200 человек, которые занимались рыбной ловлей, изучением птиц, добычей гуано и фосфатов и т. д. [6, с. 56]. В 1932 г. предприниматель приобрел четыре крупнейших острова — Уоцуридзима/Дяоюдао, Кубадзима/Хуанвэйю, Тайсёдзима/Чивэйю, Минамикодзима/Наньсяодао — в частную собственность. Однако в 1943 г. компания обанкротилась в связи с истощением местных ресурсов, «поселения пришли в упадок, а острова вновь стали необитаемыми» [6, с. 57].

Говоря о документах об окончании Второй мировой войны, следует отметить, что в Каирской и Потсдамской декларациях ничего не значилось о правах собственности на острова Сенкаку. По мнению Японии, спорные острова входили в группу японских островов Нансэй и были переданы под административный контроль США согласно Сан-Францисскому договору. Принадлежность островов к группе о. Нансэй Шото зафиксирована постановлениями правительства островов Рюкю 1952 г., где даны их координаты (в тексте Сан-Францисского договора подобные сведения отсутствуют).

Интересен также тот факт, что в 50-е гг., во время американской юрисдикции над островами (1), КНР не заявляла никаких протестов. Более того, статья под названием «Борьба жителей островов Рюкю против американской оккупации» в 1953 г. в газете «Жэньминь жибао», печатном

органе Коммунистической партии Китая, включила острова Сенкаку в состав островов Рюкю [12, с. 13].

Однако настоящий спор вокруг Сенкаку начался лишь в конце 1960-х гг. после публикации в 1968 г. доклада Экономической комиссии ООН для Азии и Дальнего Востока о возможном наличии нефтяных месторождений в Восточно-Китайском море вблизи островов, что заставило многих различных игроков предпринять действия, первым из которых был Тайвань, установивший в 1969 г. на острове Уоцури национальный флаг, который был быстро снят властями США, заявив, что архипелаг находится в их территориальных водах. Как справедливо заметил Чжоу Эньлай, премьер Госсовета, всего несколько лет спустя, в 1972 г.: «Вопрос возник из-за запасов нефти. Если бы нефти там не было, ни Тайвань, ни США не стали бы поднимать этот вопрос» [12, с. 17]. Вышеупомянутый доклад изменил подход тайваньских и китайских властей к принадлежности островов: в 1971 г. они направили официальные протесты в связи с передачей Окинавы, а с ней и островов Сенкаку, Японии. Пекин даже назвал спорные острова «исконно китайской землей». США отвергли его требования, но по принадлежности о. Сенкаку заняли нейтральную позицию.

В итоге китайская сторона считала, что вопрос об островах Сенкаку был просто отложен и передан будущим поколениям. Так, в 1978 г. Дэн Сяопин, вице-премьер Госсовета, заявил на пресс-конференции: «Даже если... решение этого вопроса будет отложено на некоторое время, я не буду возражать» [12, с. 17]. Однако японская сторона утверждала, что нет такого вопроса, решение которого можно было бы «отложить», и, конечно, Япония никогда не соглашалась «отложить» этот вопрос. Поэтому с 70-х гг.

Токио неоднократно принимал меры, чтобы утвердить свое право собственности на острова. Японская береговая охрана постоянно патрулировала район, чтобы предотвратить попытки китайских или тайваньских активистов высадиться на побережье, как это было в 1996 г., или как в случае с приближением к островам в июне 2005 г. фрегата тайваньских ВМС со спикером Законодательного Юаня Ван Цзиньпином и министром обороны Тайваня Ли Цзе на борту. Все обошлось без серьезных последствий.

Последующий инцидент в декабре 2008 г., когда два официальных китайских правительственных судна вторглись в территориальные воды вблизи островов Сенкаку, еще раз доказал, что спор снова стал горячей темой, а также послужил демонстрацией новой стратегии Пекина по изменению статус-кво островов Сенкаку не только путем принятия новых законов (2), но и с помощью силы и принуждения. Дополнительные инциденты в последующие годы лишь подтверждают изменение подхода Китая, а самая серьезная эскалация произошла в 2010 г., когда китайский рыболовный траулер в территориальных водах у островов Сенкаку столкнулся с патрульными судами Японского управления морской безопасности. По мнению японоведов, «Пекин намеренно пошел на эскалацию инцидента, используя трещину в японо-американских отношениях, возникшую после популистского обещания тогдашнего лидера правящей ДПЯ и премьер-министра Юкио Хатоямы перенести американскую базу Футенма за пределы Окинавы» [5, с. 60]. Последующие вторжения были менее драматичными, например незаконное размещение гражданских активистов из Гонконга на островах Сенкаку в августе 2012 г. Однако количество таких вторжений, наобо-

рот, увеличилось в геометрической прогрессии, особенно после сентября 2012 г., когда японское правительство выкупило острова у частного владельца (к возмущению и протесту китайских активистов по всему материковому Китаю), в среднем до четырех-пяти вызовов в месяц (иногда до семи-восьми в месяц). По мнению В.О. Кистанова, это простая стратегия, направленная на «демонстрацию того, что Китай имеет такой же эффективный контроль над островами, как и Япония» [5, с. 60].

В то же время начались вторжения другого типа, которые могут иметь серьезные последствия для безопасности Японии и международной безопасности. Начиная с конца 2012 г., Китай также начал «нарушать» воздушное пространство вокруг островов — китайский правительственный самолет впервые пролетел над островами. В ноябре следующего года китайское правительство объявило о создании «опознавательной зоны ПВО Восточно-Китайского моря», обозначив воздушное пространство над островами Сенкаку как принадлежащее Китаю и в одностороннем порядке обязав все самолеты, пересекающие эту зону, следовать правилам, установленным Министерством национальной обороны и авиации Китая [12, с. 11]. Этот шаг, по сути нарушающий принцип свободы полетов в международном воздушном пространстве, фактически прекратил любые текущие дискуссии на несколько лет. Двустороннее обсуждение споров вокруг Сенкаку возобновилось только в конце 2015 г. с подписанием консенсусного документа из четырех пунктов, официально признающего, что «между ними (Японией и Китаем) существуют различные позиции в отношении напряженности, возникшей в последние годы» из-за спорных островов. Кроме того, Токио и Пекин официаль-

но договорились о внедрении общего механизма морской и воздушной связи, который исключит территориальные воды и воздушное пространство из их механизма управления морскими кризисами, обеспечивая, таким образом, по крайней мере, базовые рамки взаимопонимания для будущих «инцидентов» [11].

В целом, конфликт вокруг Сенкаку/Дяюйдао, как пишет В.О. Кистанов, «обусловлен сочетанием экономических и стратегических интересов обеих стран» [5, с. 54], что проявляется в контроле важнейших морских путей Тихого океана и доступе к огромным запасам углеводородов и морепродуктов. По мнению японских аналитиков, поведение КНР в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях объясняется ее намерением быть морской державой [12].

Однако важно также помнить, что как для Японии, так и для Китая спор является не просто стратегическим вопросом, но и источником сильных националистических чувств с обеих сторон, что подтверждается тонами, используемыми в национальных СМИ, массовыми протестами и постоянным вмешательством местных активистов, что усиливает давление на правительства и еще больше затрудняет поиск прагматичного решения.

Второй фундаментальный территориальный спор с участием Японии касается островов Такэсима (широко известных как скалы Лианкур, или Токто по-корейски), которые в настоящее время находятся под контролем Республики Корея и оспариваются японским правительством. Острова, как и многие другие спорные территории, расположены в стратегически важном месте с точки зрения морских путей, богатых рыбой, однако, в отличие от Сенкаку, их экономическая ценность довольно ограничена по сравнению с культурными и исто-

рическими последствиями, которые направляют Токио и Сеул. Спор о принадлежности островов фактически уходит корнями почти на 300 лет назад, к началу XVII в., а в последнее время стал неотъемлемой частью дебатов о национальной идентичности и наследии японского колониализма в обеих странах.

Первый официальный конфликт за контроль над островами Лианкура и Уллындо относится к 1693 г., когда японские рыбаки столкнулись с корейскими рыбаками и взяли их в плен. Япония официально объявила Такэсиму и Уллындо своей территорией. Однако после переговоров с корейской стороной «во имя дружественных отношений между Японией и Кореей» японским рыбакам запрещалось ловить рыбу возле Уллындо. Никаких предписаний относительно острова Мацусима (как тогда назывались скалы Лианкура) на тот момент не было.

С тех пор право собственности на острова навсегда осталось спорным, хотя в основном на бумаге. На протяжении XVIII и XIX вв. различные карты, составленные обеими сторонами, представляли острова Такэсима как принадлежащие то одной, то другой стороне, в зависимости от того, кто и когда печатал карту. Например, в то время как в японском географическом атласе Хаяси Сихэя (1783) скалы были названы «владениями Кореи», в «Исправленной полной карте земель и дорог Японии» («Кайсэй Ниппон Ёти Ротэй Дзэндзу»), впервые опубликованной в 1779 г. Сэкисуи Нагакубо, остров Уцурё (Уллындо) и острова Такэсима были обозначены как японская территория [13, с. 5]. С другой стороны, Республика Корея настаивает на том, что на корейских картах, начиная с XVI в., острова Такэсима изображены как остров Усан. Однако, по мнению японских исследователей, остров Усан ни на одной

из карт Кореи не является островами Такэсима. Так, на карте, приложенной к «Пересмотренному и дополненному обзору географии Кореи» («Синжень Тонгук Ёчжи Сынам»), под названием «Карта восьми провинций Кореи» остров Усан располагается между Корейским полуостровом и островом Уцурё, в то время как остров Такэсима расположен к востоку от острова Уцурё. Начиная с XVIII в., появляются карты Кореи, на которых остров Усан изображается к востоку от острова Уцурё. «Полная карта Кореи» («Тэхан Чондо»), выпущенная в 1899 г., представляет собой современную карту с обозначением широт и долгот. Обозначенный на ней остров Усан есть не что иное, как ныне известный остров Чжукдо, т.е. опять же не острова Такэсима.

Однако в начале XX в. географический спор приобрел совершенно иное измерение: после победы в Русско-японской войне Япония постепенно расширяла свое влияние в регионе и на самом Корейском полуострове. Так, первый японо-корейский протокол от 24 февраля 1904 г. дал Японии право размещать свои войска на территории Кореи, в том числе на островах Такэсима. Впоследствии, 28 января 1905 г., японское правительство обратилось к принципу *Terra nullus*, чтобы в одностороннем порядке объявить острова Такэсима японской территорией, поскольку они не были заселены на момент аннексии. Всего несколько месяцев спустя, в ноябре 1905 г., вторая японо-корейская конвенция («Договор Ульса» в корейской истории) официально закрепила Корею в качестве японского протектората, а через 5 лет после этого, в 1910 г., вся страна была присоединена к Японской империи.

Несмотря на то, что современные кореееды решительно называли аннексию Такэсима незаконной,

она, как и инкорпорация всей Кореи, была в основном принята ведущими державами того времени как простой вопрос реальной политики, и никаких существенных аргументов против действий Токио не выдвигалось.

Только после окончания Второй мировой войны вопрос о корейских территориях Японии был рассмотрен международным сообществом в рамках мирного процесса. Однако противоречивые директивы и двусмысленные правовые положения, как и в случае с другими спорами, усугубили проблему, вместо того чтобы решить ее.

Как Каирская декларация 1943 г. между США, Великобританией и Китаем (Гоминьданом), так и директивы Верховного командования союзных сил № 677 и № 1033, которые намеревались лишить Японию всех островов в Тихом океане и поместить острова Такэсима за пределами японской территории, также предусматривали, что «Ничто в этой директиве не должно быть истолковано как указание на политику союзных держав в отношении окончательного определения территории». Кроме того, указы были односторонними декларациями и не имели статуса международного соглашения. Неясность была перенесена в Сан-Францисский мирный договор, в котором говорилось, что Япония признает независимость Кореи и отказывается от нее, включая Квельпарт, Порт-Гамильтон и Дагелет, но не упоминались острова Лианкур. Республика Корея, ознакомившись с содержанием этой части договора, в июле 1951 г. направила письмо от посла Республики Корея в США Ю. Чан Янга на имя государственного секретаря США Дина Г. Ачесона, в котором запросила, чтобы острова Токто были внесены в список территорий, от контроля над которыми Япония отказывалась.

В ответном письме от помощника государственного секретаря США по делам Дальнего Востока Дина Раска говорилось: «... Что касается островов, известных под названием островов Токто, Такэсима или скалы Лианкур, то эти обычно необитаемые скалистые острова, согласно имеющимся у нас данным, никогда не рассматривались как часть Кореи и примерно с 1905 г. находились под юрисдикцией отдела островов Оки администрации префектуры Симанэ в Японии. Нет свидетельств того, чтобы Корея когда-либо ранее предъявляла свои претензии на эти острова» [13, с. 2].

Неупоминание скал Лианкур создало основу для продолжающегося спора и было еще более осложнено противоречивой позицией военного командования США в отношении статуса островов в годы после войны, которое в отдельные периоды, казалось, признавало претензии Сеула, как в случае с официальным запросом генерал-лейтенанта Джона Б. Коултера к правительству Республики Корея об использовании островов для американских военных учений [6, с. 55]. В то время как в других случаях оно официально отклоняло их на том основании, что правительство США не считало скалы Лианкур частью территории Республики Корея [6, с. 55], или даже признавало острова частью Японии.

В конечном итоге руководство США предпочло дистанцироваться от спора, выразив пожелание японскому и корейскому правительствам мирного двустороннего решения вопроса, что позволило 8 января 1952 г. президенту Республики Корея Ли Сын Ману издать «Декларацию о морском суверенитете» и в одностороннем порядке установить так называемую «Линию Ли Сын Мана», де-факто включив скалы Лианкур в состав корейских рыболовных вод.

С момента установления «Линии Ли Сын Мана» Япония решительно протестовала против каждого шага Республики Корея, включая объявление суверенитета над островами Лианкур, ведение рыболовства, обстрел патрульных кораблей, строительство сооружений и т.д. В период с 1953 по 1965 г. было зарегистрировано множество инцидентов, в ходе которых погибли пять японских моряков, были задержаны 3929 японских и 472 корейских моряков за нарушение территориальных вод по версии обеих сторон. Чтобы решить спор мирным путем, Япония несколько раз предлагала РК передать этот вопрос в Международный суд сначала в 1954 г., затем в 1962 г. и совсем недавно в 2012 г., но Сеул всегда отклонял это предложение.

Как и в большинстве других территориальных споров, анализируемых в данной работе, в вопросе о принадлежности скал Лианкур нет никаких ближайших перспектив на прогресс, поскольку юридическая сторона вопроса слишком укоренилась в исторических прецедентах, а претензии предков слишком трудно доказать. Тем не менее, помимо юридических формальностей, спор о Такэсима также имеет огромное идеологическое значение как для корейцев, так и для японцев, и если для южнокорейцев Токто/Такэсима это прежде всего мощное напоминание о японском колониализме и «символ восстановления суверенитета Кореи», то в Токио спор часто используется для продвижения обновленного чувства японского национализма и консервативного единства в правительстве, как это было при администрации С. Абэ, для создания консенсуса для своей «территориальной дипломатии».

Территориальный спор вокруг южных Курильских островов (яп. Северные территории) берет свое на-

чало в XVIII в., когда русские и японцы боролись за контроль над Эзоти, «землей варваров (3), питающихся морепродуктами» (яп.). Айны, проживавшие на Курильских островах, попеременно отдавали свою верность то Российской империи, то Японии. В конце концов, с подписанием Симодского договора в 1855 г. русские установили свой контроль над Северными Курилами, начиная с Урупа, а японцы — над Хоккайдо и Южными Курилами. По этому договору Сахалин изначально был признан территорией, совместно населенной японцами и русскими, но в последующие годы соглашение менялось еще два раза: сначала по Санкт-Петербургскому договору 1875 г., когда Японии отошли все Курильские острова в обмен на ее отказ от претензий на Сахалин, а затем по Портсмутскому договору 1905 г., по которому Токио также получил Южный Сахалин (от 50-й параллели), переименованный в Карафуто после победы Токио в русско-японской войне.

Ситуация вновь изменилась с началом Второй мировой войны. 9 августа 1945 г. Советский Союз нарушил Пакт о нейтралитете 1941 г. и вступил в войну с Японией, в ходе которой оккупировал Южный Сахалин и острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Затем оккупированные территории были включены в состав РСФСР официальным указом Президиума Верховного Совета СССР в феврале 1946 г., а в 1947 г. японское и айновское население Сахалина и Курил было насильно депортировано на Хоккайдо.

Занятие Южного Сахалина и Южных Курил в значительной степени оспаривалось Токио, поскольку оно произошло после принятия Японией Потсдамской декларации, которая требовала ее капитуляции [10]. Кроме того, по мнению Японии, действия СССР нарушали Атлантическую

хартию, подписанную США и Великобританией в августе 1941 г., приверженность которой подтвердил Советский Союз, четвертый принцип которой гласил, что подписавшие ее страны не будут стремиться к территориальной экспансии во время войны. Но, с другой стороны, Россия утверждает, что вступила в войну на условиях Крымского соглашения, подписанного СССР, США и Великобританией 11 февраля 1945 г., которое предусматривало передачу Курильских островов, а также Южного Сахалина и прилегающих к нему островов Советскому Союзу после победы над Японией.

Российский аргумент действительно является спорным, и хотя некоторые считали, что он «не был обязательным для Японии» [3, с. 27], другие утверждали, что он «обеспечивал юридическое подтверждение передачи Курильских островов (включая Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи) Советскому Союзу» [4, с. 180]. Независимо от этого, в ст. 2 мирного договора, подписанного в Сан-Франциско 8 сентября 1951 г., четко указывалось, что «Япония отказывается от всех прав, титулов и притязаний на Курильские острова и ту часть Сахалина и прилегающие острова, над которыми Япония получила суверенитет в соответствии с Портсмутским договором от 5 сентября 1905 г.» [7, с. 318]. Однако, поскольку Советский Союз не подписал Сан-Францисский договор, Япония неоднократно заявляла, что СССР не имеет права ссылаться на этот документ.

Продолжающийся спор также означал, что заключение отдельного мирного договора между СССР и Японией также может быть затруднено. Тем не менее попытки найти компромисс были предприняты в Совместной декларации 1956 г., где предлагалось в знак «уважения национальных интересов Японии и ее мирных наме-

рений» [1, с. 42] вернуть острова Хабомаи и Шикотан после заключения мирного договора. Позже этот вариант разрешения конфликта был отвергнут СССР в 1960 г. после заключения нового японо-американского договора о безопасности.

В 1960-е гг. переговоры зашли в тупик, и СССР стал отрицать существование территориального спора с Японией, признавая де-факто, что граница возникла в результате окончания Второй мировой войны. Только в 1993 г. Россия вновь признала наличие территориального спора и возобновила переговоры с Токио. В соответствии с Токийской декларацией, стороны «согласились продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса, исходя из исторических и юридических фактов, и на основе выработанных по договоренности между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости» [9].

Затем было осуществлено несколько новых переговоров. Наиболее примечательным был саммит 2001 г. между президентом России В.В. Путиным и премьер-министром Японии Ё. Мори, в ходе которого было принято Иркутское заявление, признающее Совместную декларацию СССР и Японии 1956 г. в качестве основного юридического документа по вопросу принадлежности островов.

Тем не менее, в последующие годы существенного прогресса достигнуто не было, быстро меняющиеся японские правительства часто чередовали компромиссный вариант двух островов (Ё. Мори) с бескомпромиссным требованием передачи всех спорных островов (Дз. Коидзуми) или, как в случае с министром иностранных дел Японии Т. Асо в 2006 г., с предложением соломонова разделения островов на две равные части [10].

В декабре 2016 г. в результате визита президента России В.В. Путина в Японию и его встреч с премьер-министром Японии С. Абэ было сделано совместное заявление, в котором отмечалось, что консультации о совместной экономической деятельности на южных Курильских островах могут стать важным шагом на пути к заключению мирного договора. В результате совместная экономическая деятельность была запланирована в пяти областях: марикультура, теплицы, туризм, ветроэнергетика и переработка отходов. Однако из-за вопросов, связанных с применимым законодательством, никакая конкретная деятельность еще не началась. Японская сторона настаивает на особом правовом режиме, в то время как российская сторона считает, что совместная экономическая деятельность должна осуществляться на основе российского законодательства. Затем вопрос о применяемом законодательстве был отложен и велись переговоры о конкретных совместных проектах.

В сентябре 2018 г. на пленарном заседании Восточного экономического форума президент России В.В. Путин предложил заключить мирный договор с Японией без каких-либо предварительных условий до конца года: «А потом на основе этого мирного договора, как друзья, мы продолжим решать все спорные вопросы». Япония отвергла это предложение.

Через месяц В.В. Путин и С. Абэ на Восточноазиатском саммите в Сингапуре договорились ускорить переговорный процесс на основе Совместной советско-японской декларации 1956 г. С. Абэ намеревался решить проблему принадлежности четырех островов в течение своего премьерского срока, однако этому было не суждено свершиться. Новый премьер-министр Японии Ё. Суга заявил, что «твердо опирается на до-

стигнутые договоренности (...) и будет неуклонно продолжать вести переговоры на их основе» [2].

Однако из-за присоединения администрации Ф. Кисиды к санкциям стран Запада в ответ на «военную операцию», которую с 24 февраля 2022 г. ведет Россия на Украине, с марта 2022 г. были прекращены российско-японские переговоры по мирному договору и принадлежности южных Курильских островов.

В целом, спор о Южных Курилах уже давно зашел в тупик. Ни Россия, ни Япония не могут отдать острова, боясь протестов и немедленной отставки и понимая последствия для своей страны. В то же время отсутствие мирного договора и наличие «спорной территории» сильно осложняет и без того непростые российско-японские отношения и негативно влияет на обстановку во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Компромиссным, по мнению А. В. Костенкова, выглядит «вариант, оговоренный в Совместной советско-японской декларации 1956 г. о передаче островов Хабомаи и Ши-

котан под управление Японии после подписания мирного договора» [6, с. 52]. Однако в современной ситуации ни новое правительство Японии, ни российская сторона, учитывая принятые поправки к Конституции, не пойдет на данные условия.

Токио очень внимательно относится к своим территориальным претензиям с соседними странами и даже называет подобную политику «территориальной дипломатией» («рёдогайко»). Целью проведения такой дипломатии является международное признание законности японского суверенитета над спорными территориями. МИД Японии проводит активную политику по информированию мирового сообщества о правах Токио на острова Сэнкаку, Такэсима, Окинотори и так называемые Северные территории. Нельзя сказать, что территориальная дипломатия Японии успешна, поскольку нет особого прогресса в удовлетворении притязаний на скалы Лианкур и Южные Курилы. Тем не менее Японии удалось сохранить свое управление над островами Сэнкаку и Окинотори.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено на безвозмездной основе.

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The research was carried out free of charge.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Их использовали для проведения учений по стрельбе и бомбардировке.
2. Китай принял «Закон о территориальных водах и прилегающей водной зоне». Этот закон впервые напрямую выразил притязание КНР на острова Сэнкаку, что никак не упоминалось в Декларации о территориальных водах Китая 1958 г.
3. Имеются в виду проживавшие на островах айны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Винникова Р. В. Территориальный спор между Россией и Японией: история вопроса и международно-правовые формы урегулирования // Правопорядок: история, теория, практика. — 2016. — № 4 (11). — С. 40–45.
2. В Токио рассказали о стратегии переговоров с Россией по Курилам [Электронный ресурс] — URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/02/2021/601f77a59a79478dc79a2dad> (дата обращения: 21.05.2020).
3. Еремин В. Территориальная проблема: поиск решения. — М., 1992.
4. Ермошин В. В. Право России на Южный Сахалин и Курильские острова // Российский ежегодник международного права. 1993–1994. СПб., 1995.
5. Кистанов В. О. Территориальная дипломатия как фокус внешней политики Абэ // Япония в поисках новой глобальной роли: монография. Совместное издание МГИМО и ИДВ РАН. — С. 53–71.

6. Костенков А. В. Территориальные споры с вовлечением Японии: опыт историко-географического изучения // Региональные исследования. — 2008. — № 4 (19). — С. 48–60.

7. Международное право в избранных документах/сост.: Л. А. Моджорян, В. К. Собакин; отв. ред. В. Н. Дурденевский. — М.: Изд-во ИМО, 1957. Т. 3.

8. Спор о принадлежности Курильских островов [Электронный ресурс] — URL: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/00000c51-1000-4ddd-517d-3600483aebf5/@000733.htm> (дата обращения: 21.05.2020).

9. Токийская декларация о российско-японских отношениях [Электронный ресурс] — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902887> (дата обращения: 31.01.2023).

10. Japan's Northern Territories: For a Relationship of Genuine Trust/Ministry of foreign Affairs [Electronic resource] URL: <https://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/territory/pamphlet.pdf> (accessed: 21.05.2020).

11. Panda A. What's Missing from China and Japan's East China Sea Crisis Management Framework? [Electronic resource] URL: <https://thediplomat.com/2015/06/whats-missing-from-china-and-japans-east-china-sea-crisis-management-framework/> (accessed: 21.05.2020).

12. Сэнкакүсэто: Тикараденакү хо: носихаини мотодзүку хэйвана умю медзасите = Острова Сэнкаку: В стремлении к миру на морях, основанному на верховенстве права, а не на силе/Гаймүсэ: = Министерство иностранных дел [Электронный ресурс] — URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/senkaku/pdfs/senkaku_pamphlet.pdf (дата обращения: 21.05.2020).

13. Такэсима: Хо: то тайваниёру кайкэцүо медзасите = Острова Такэсима: Поиск решения, основанного на законе и диалоге/Гаймүсэ: = Министерство иностранных дел [Электронный ресурс] — URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/takeshima/pdfs/takeshima_pamphlet.pdf (дата обращения: 21.05.2020).

REFERENCES

1. Vinnikova R. V. Territorial'nuy spor megdu Rossiey I Yaponiey: istoriya voprosa i megdunarodno-pravovue formu uregulirovaniya // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. № 4 (11). 2016. pp.40–45.

2. V Tokio rasskazali o strategii peregovorov s Rossiey po Kurilam [Electronic resource] URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/02/2021/601f77a59a79478dc79a2dad> (accessed: 21.05.2020).

3. Eremin V. Territorial'naya problema: poisk resheniya. M., 1992.

4. Ermoshin V. V. Pravo Rossii na Yugnuy Sakhalin i Kuril'skie ostrova // Rossiyskiy egegodnik megdunarodnogo prava. 1993–1994. Spb., 1995.

5. Kistanov V. O. Territorial'naya diplomatiya kak focus vneshney politiki Abye // Yaponiya v poiskakh novoy global'noy roli: monographiya. Sovmestnoe izdanie MGIMO i IDV RAN. pp.53–71.

6. Costencov A. V. Territorial'nue sporu s вовлечением Японии: oput istorico-geographicheskogo izucheniya // Regionalnue issledovaniya. № 4 (19). 2008. pp.48–60.

7. Megdunarodnoe parvo v izbrannukh dokumentakh/sost.: L. A. Modgoryan, V. K. Sobakin; отв. red. V. N. Durdenevskiy. M.: Izd-vo IMO, 1957. Т. 3.

8. Spor o prinadlegnosti Kuril'skikh ostrovov [Electronic resource] URL: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/00000c51-1000-4ddd-517d-3600483aebf5/@000733.htm> (accessed: 21.05.2020).

9. Tokiyskaya deklaraciya o rossiysco-yaponskikh otnosheniyakh [Electronic resource] URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902887> (accessed: 31.01.2023).

10. Japan's Northern Territories: For a Relationship of Genuine Trust/Ministry of foreign Affairs [Electronic resource] URL: <https://www.mofa.go.jp/region/europe/russia/territory/pamphlet.pdf> (accessed: 21.05.2020).

11. Panda A. What's Missing from China and Japan's East China Sea Crisis Management Framework? [Electronic resource] URL: <https://thediplomat.com/2015/06/whats-missing-from-china-and-japans-east-china-sea-crisis-management-framework/> (accessed: 21.05.2020).

12. Senkakyoto: Ticaradenaku Kho: noshikhaini motodzuku kheyvana umio medzashite/Gaymushyo: [Electronic resource] URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/senkaku/pdfs/senkaku_pamphlet.pdf (accessed: 21.05.2020).

13. Takeshima: Kho: to tayvaniyoru caiketsuo medzashite/Gaymushyo: [Electronic resource] URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/takeshima/pdfs/takeshima_pamphlet.pdf (accessed: 21.05.2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шолкова Марина Алексеевна — аспирант Дипломатической академии МИД России, сотрудник Академии общественных наук. 350090, г. Краснодар, пр-т имени Репина, д. 34, кв. 249. E-mail: sholkova.m.a@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sholkova M. A. — postgraduate student at the Diplomatic Academy of the Russian MFA, Associate of the Academy of Social Sciences. 350090, Krasnodar, Repina passage, 34, apart. 249. E-mail: sholkova.m.a@gmail.com